Split by PDF Splitter

Ю. А. Чуркина

ЕДИНСТВО ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРОКЛА ДИАДОХА

В круге вопросов философии Прокла Диадоха вопрос о божественном стоит на первом месте. Ему соответствует по важности (как и во всей философии поздней античности) вопрос о вере. Здесь, если рассматривать традицию в ее собственном развитии, очевидна огромная пропасть, зияющая между Платоном и его преемником по прошествии девяти столетий.

В шестой книге «Государства» Платон выстраивает иерархию состояний души: «…на высшей ступени – разум, на второй – рассудок, третье место удели вере, а последнее – уподоблению»[1]. В соответствии с этими состояниями в книге 7 «Государства» Платон называет четыре раздела диалектического метода: «…первый раздел – познание, второй – размышление, третий – вера, четвертый – уподобление. Оба последних, вместе взятые, составляют мнение, оба первых – мышление. Мнение относится к становлению, мышление – к сущности. И как сущность относится к становлению, так мышление – к мнению. А как мышление относится к мнению, так познание относится к вере, а рассуждение – к уподоблению»[2]. Таким образом, очевидно, что для Платона вера стоит ниже разума и рассудка и относится к области мнения, области недостоверного и в познавательном смысле недостаточного. Абсолютное знание Платона, связанное с восхождением к созерцанию, не имеет никакого отношения к вере: «экстаз в знание» является для Платона результатом диалектического исследования и умозрения. Платон пишет: ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере[3]. То есть вера не есть нечто подлинное, неизменное, наоборот, она вторична, изменчива и преходяща.

© Чуркина Ю. А., 2007

Split by PDF Splitter

Можем ли мы в ходе нашего рассуждения обойти вниманием вопрос о влиянии на мысль Прокла современных ему религиозных и философских течений, главным из которых, конечно, было христианство? В чем это влияние победившего христианства на последнего крупного мыслителя языческой античности может быть усмотрено, насколько сильным оно было и в чем проявилось? Действительно, неоплатонизм и христианство значительно обогатили друг друга, однако нам в данный момент больше интересны оставшиеся меж ними несогласия. Мы полагаем, что одним из таких важнейших и принципиальнейших вопросов является различное понимание веры. Отсюда следует, конечно, и различное представление об отношении веры и знания. Иной, как следствие, оказывается и сама «религия», и подход к богословию. Попробуем доказать это, рассмотрев несколько примеров.

Возьмем знаменитые слова из Послания апостола Павла к Римлянам: «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет»[4]. Таким образом, христианская вера есть безусловная готовность и ожидание человеческой души принять благодать. Вера есть путь к спасению, и в ней – вечное мгновение встречи Бога и верующего. Здесь очень важен личный, человеческий аспект: если говорится, что праведный верою жив будет и верою спасется, именно вера и оказывается залогом достижения спасения.

А в Послании апостола Павла к Евреям читаем: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние. Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое. Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин… А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим его воздает»[5]. Таким образом, если мир сотворен словом Божьим, в которое можно проникнуть и которое можно понять лишь верой, то неверующий существует среди призраков и сам того не подозревает. Подлинная же сущность сотворенного откроется лишь глазам верующего. По вере возможно все, без веры же ничто не возможно и не ценно. И опять-таки здесь вера – условие и познания, и верного и лучшего служения Богу.

И третья цитата из апостола Павла, на этот раз из Первого послания к Коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. <…> Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. <…> А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»[6].

Split by PDF Splitter

Что же здесь мы видим? Триада апостола Павла не включает в себя знания, его место занимает надежда, которая по сути своей родственна вере. Знание есть лишь временное, тленное, несущественное. Однако и ценность, значимость веры Павел ставит в зависимость от любви. Как нам представляется, здесь изложение сущности христианской веры приобретает в большей степени личностный характер. Ведь вера в христианстве – это встреча человека и Бога во всех ее аспектах. В ней прошлое – ожидание и надежда на откровение, настоящее – ослепительный миг экстаза, озарения божественным светом, будущее – жизнь в отсвете этой встречи и чаяние новой. Но вера эта – скорее готовность души к принятию света откровения. Любовь же, полагаем, означает некую активность души, ее движение, устремление, и не только к Богу, но и к сотворенному миру. Если веру можно сравнить с зеркалом и от чистоты этого зеркала зависит, как отразится в нем божественное сияние, то любовь сама по себе – свет.

Итак, можно утверждать безусловное превосходство веры над знанием у апостола Павла, причем очевидной является подчеркнуто личностная, эмоциональная окраска понятия веры в христианстве. Главным оказывается не сама по себе, взятая объективно, способность принять откровение Божье, а то отношение, которое складывается к этой возможности в человеческом сердце. Возможно, в этом сущность христианской этики, здесь закладывается само понятие ее нравственности. Как мы увидим чуть позже, для Прокла этот момент значения иметь не будет. Если в его текстах космос познается словно бы самим собой, вопрос об антропологии или этике ставить не имеет смысла.

В плане критики знания в христианской традиции показательно и ироническое замечание Тертуллиана из работы «К язычникам»: «...напрасны потуги философов, причем именно тех, которые направляют неразумную любознательность на предметы природы прежде, чем на ее Творца и Повелителя»[7]. В этом коротком пассаже мы находим одновременно и насмешку над античными натурфилософами (в частности, над Фалесом), и критику самих попыток исследования природы (т. е. критику философии и науки).

Христианское богословие опирается на догматы, не требующие и, более того, не допускающие доказательств. Им нет и не может быть обоснования. Догматы не постигаемы разумом, в них д***о***лжно верить, абсолютно и непререкаемо. Не случайно мы встречаем в истории христианства много примеров того, как проповедники доносили до паствы суть догматов с помощью аллегорий и метафор, но объяснить, доказать догмат никто из них не стремился. Корень веры христианской в ее безусловности, которая, в свою очередь, основана на абсолютной эмоциональной, сердечной захваченности верующего.

Многие христианские теологи искали способ оправдать знание перед верой. Однако именно эти попытки говорят о потенциальной неразрешимости подобной задачи в ситуации, когда вера есть познание Бога через

Split by PDF Splitter

откровение, знание же – познание Бога через вещи, его творения, без божественного участия. Сам познающий акт словно бы противоречит сущности веры, как она понимается в христианстве. Таким образом, в рамках христианской теологии противопоставлены друг другу вера (и любовь), с одной стороны, и знание – с другой.

Мы полагаем, что само понятие веры, его содержание, наполнение различно у Платона, Прокла и христианских мыслителей. Для Платона вера – явление низшего порядка, недостоверное и незначащее, у христианских мыслителей – она абсолютна, а для Прокла, как мы увидим, вера есть высшее познание, экстатическое восхождение личности познающего к истине, не определенное волей высшего существа. Вера пронизывает все порядки и уровни космоса, верой обладают и боги.

В дошедших до нас текстах Прокла Диадоха мы не найдем того, что можно было бы назвать развернутым учением о вере. Тем не менее это понятие нам представляется очень важным звеном в философской системе Прокла. Действительно, хотя само слово «вера» встречается далеко не во всех известных нам работах мыслителя, и, при всей систематичности и строгости мысли Прокла, именно этот вопрос вряд ли можно назвать тщательно разработанным, однако когда Прокл так или иначе его касается, становится очевидно, что речь идет об одном из существенных для него понятий.

Одним из важных мест для понимания веры у Прокла является глава 25 книги I в его «Платоновской теологии».

Главными божественными атрибутами, согласно Проклу, являются красота, мудрость и благость. Из этих атрибутов он выводит триаду: любовь, истина и вера. Посредством этой триады все сущее приобщается божественному. Так, любовь (ὁ ἔρως) есть путь к божественной красоте, к божественной мудрости существующие вещи возводит истина (ἡ ἀλήθεια), вера (ἡ πίστις) же приводит к богам по самой сути своей («богам присуща вера, неизреченно соединяющая с благом всеобщие роды богов и демонов, а также счастливые души»[8]).

Прокл говорит о тщетности попыток достигнуть блага познавательными способами («благо отнюдь не следует изыскивать познавательными способами, которые не ведают своего завершения»[9]), а единственно правильным полагает «вверив себя божественному свету… утвердиться в непознаваемой и таинственной генаде сущего»[10]. И здесь может показаться, что мы сталкиваемся с тем же конфликтом между знанием и верой, какой существует в христианстве.

Действительно, согласно Проклу, познание через чувственно воспринимаемые вещи, так же как и относящаяся к этим вещам вера, стоит по своим возможностям на одной из самых низших ступеней, доступных человеку. Что же касается божественной веры и божественного ума, то здесь сам Прокл четко определяет превосходство веры. Вера оказывается высшим единством, она пребывает в покое; энергия же ума – это движение (умн***о***е дви-

Split by PDF Splitter

жение вокруг умопостигаемого). Ум и вера – едины, но не тождественны. Для души ни мудрое, ни прекрасное не могут сравниться с благом («и сама душа почитает разнообразие ума и блеск видов за ничто по сравнению с превосходством блага над всем и отвергает мышление, когда восходит к собственному наличному бытию»[11]), связывает же все сущее с благом вера. Прокл указывает, что «те, кто стремится соприкоснуться с благом, в первую очередь испытывают нужду отнюдь не в знании и не в действии, а в местоположении, устойчивом состоянии и спокойствии»[12]. Поскольку само собой полагается, что именно слияние с благом, или абсолютным единством, есть высшая цель человека (или, точнее, его души), то вера, которая единственная может способствовать такому слиянию, необходимо занимает особое место в триаде. Однако Прокл тут же напоминает о родстве веры с истиной и любовью и указывает на веру как на источник единства всех добродетелей.

Хотя у Прокла πίστις ставится выше γνῖσις, тем не менее это различение πίστις и γνῶσις, само это разведение производится в рамках взаимного соположения, соопределения. В рамках высшего, абсолютного единства существует своего рода иерархия. То, что различение производится внутри единства – соположенности, обусловливает органическую связь обеих ступеней, т. е. мы имеем органическое развертывание знания в веру. Пройти γνῶσις необходимо, чтобы достичь πίστις. Таким образом, вера не является абсолютно внеположной познавательным способностям. Неоплатоническая доктрина полагает знание необходимой и драгоценной способностью души, способностью, не противоречащей вере, но ей сопутствующей.

Христианская вера – это вера во Христа, в слово, ставшее плотью. Господь творит материальный мир непосредственно – словом. Это с точки зрения неоплатоников, в их строго иерархичной и упорядоченной картине мира, – нарушение всякой субординации. Да, неоплатоническая доктрина утверждает, что Единому все причастно. Но нельзя сказать, что ум есть единое, душа – единое, и вещь тоже. Единое превыше всего и не может быть вещью, умом, душой. От него идут «вниз» связи, цепи, и каждый новый уровень творений в меньшей степени причастен Единому. Христос же – Бог, ставший Человеком. Это мгновенное сжатие божественного и материального в одно. Христианский космос – космос движущийся, развивающийся, историчный. Творение, грехопадение, приход Богочеловека, его казнь и ожидаемый Суд – все это линейное время, имеющее свое начало, этапы развития и финал. Мир неоплатоников не включает в себя подобной драмы. Творение в неоплатонической картине мира есть необходимый образующий процесс, постоянный, неизменный и непрерывный. При внешней статике, таким образом, в нем присутствует внутренняя динамика, но динамика другого рода, не историчная, событийная. Это естественное движение, свойственное самой структуре мира, составляющее его основу.

Христианская вера – это вызов, в том числе и неоплатонизму. Сын Божий умер и воскрес – верим, хотя и нелепо («credo ut absurdum» –

Split by PDF Splitter

Тертуллиан). Сын Божий был казнен – и не стыдимся этого. С точки зрения всей логики дохристианского и нехристианского мышления очевидна нелепость, абсурдность христианской веры. В своей основе она имеет нарушение порядка, органического развития мира, интеллектуальный и духовный вызов, расщепление бытия.

Христианство утверждает греховность мира и его спасение – через веру и в вере. Для неоплатоников не существует драмы грехопадения, напротив, разделение сущего по уровням естественно, все уровни и порядки необходимы и значимы. Нет точки времени или вечности, когда бы все сущие могли или должны были вернуться в Единое. И здесь неоплатоники отходят от идеи Платона о движении душ в космосе, о трагедии души, падшей в мир материи.

Драматизм античности у неоплатоников снят единством мира, обусловленным причастностью Единому. Время греческой трагедии для неоплатоников прошло.

Из этих различий естественно вырастает и различное понимание веры. Христианское безоговорочно ближе к πίστις. В драматичном, полном внутреннего напряжения христианском мире с его парадоксами вера безусловна и свою опору и цель несет в самой себе. В античной и неоплатонической теологии нет догматов. Таким образом, возможно свободно задать любой вопрос, в том числе и о Боге, и так же свободно искать на него ответ. Античное богословие может быть определено в том числе и как процесс познания, поиска истины, как γνῶσις.

Прокл говорит, что вера есть укорененность низшего в высшем. В этом нет расщепления, нет драмы. Нет вызова. Драматическая динамика христианства, развитие, движение – этому противостоит статика Прокла (при ее внутренней структурной динамике).

Как действие души, вера есть экстатический порыв. Но каким образом, по Проклу, этот экстаз возможен? Он ни в коем случае не иррациональный и спонтанный, а, наоборот, тщательно подготовленный. Как любви сопутствует любовное безумие, истине – божественная мудрость, так вере – теургическая сила, «которая лучше всякой человеческой рассудительности и науки…»[13]. Теургия готовит душу к слиянию с благом и приводит ее к нему. В книге IV, главе 9 читаем: «…посвящение совершается отнюдь не в мысли и не в суждении, а в единении – молчании, стоящем выше любой познавательной энергии. Вера, располагающая всеобщие и наши собственные души в неизреченном и непознаваемом [роде] богов, дарует им как раз такое [единение]»[14].

Остановимся подробней на роли теургии в философской системе Прокла. Вначале определим для себя, что мы называем теургией и что понимал под теургией Прокл.

Появление теургии было естественным в контексте внутреннего развития неоплатонизма, но, кроме того, явилось результатом влияний на позднe-

Split by PDF Splitter

античных философов иных учений. Об этом пишет Пьер Адо: «Неоплатоники пытаются связать философскую традицию и те божественные откровения, что запечатлены в орфических писаниях и в Халдейских оракулах. Речь идет о систематизации всех богооткровенных учений: орфизма, пифагореизма, халдейства – и соотнесении их с философской традицией – пифагорейской и платонической»[15].

Органичность теургии для неоплатонизма отмечает и А. Ф. Лосев: «Диалектика трех ипостасей, безусловно стоящая во всем неоплатонизме на первом плане, вовсе не исключает магической практики, а, наоборот, ее обосновывает. И магическая практика у неоплатоников тоже была на первом месте, но не в смысле игнорирования проблем разума, а, наоборот, с весьма тщательной их разработкой, достигшей небывалой тонкости и систематики»[16]. Диалектика трех ипостасей как основа и принцип теургии проявляется в том, что единство мира для неоплатоников есть единство сущностное. Все в мире, так или иначе, идет от Единого и к нему восходит. Это единство является основой включенности каждого в мир и сопряженности его со всем в мире.

Неоплатоники полагали первоначало трансцендентным, запредельным, неизреченным. Это начало присутствует во всем, т. е. в любом сущем мы можем обнаружить символ первоначала, однако это именно символ. Простая сумма этих символов не является Единым, и познание всех этих символов, будь оно даже возможно, не означает теозиса и не позволит постичь Единое.

Пьер Адо дает такое определение теургии: «Они [поздние неоплатоники. – *Ю. Ч.*], конечно, сохраняли философскую практику аскезы и добродетели, но не менее важной или даже более существенной (как это было, очевидно, у Ямвлиха) считали практику, называемую у них теургической. <…> От магии теургию отличает то, что она не притязает воздействовать на богов, а, напротив, подчиняет себя их воле, исполняя ритуалы, установленные, как предполагается, самими богами. Не теоретическая философия, говорит Ямвлих, а только ритуалы, которых мы не понимаем, могут соединить нас с богами. Существование этих ритуалов – отнюдь не следствие нашей умственной активности, ибо в таком случае их действенность зависела бы от нас самих. <…> Верховный Бог тоже, как и прочие боги, может случайно явиться душе в мистическом переживании через посредство того, что Прокл именует единым души, т. е. через посредство высшей, трансцендентной части души; это единое души каким-то образом соответствует тогда *знаку*, который в обычной теургической практике привлекает в душу богов. <…> Если Плотин полагал, что человеческая душа всегда пребывает в несознаваемом соприкосновении с Умом и духовным миром, то последующие неоплатоники считают, что, коль душа ниспала в тело, она нуждается в вещественно-чувственных ритуалах, чтобы вновь подняться к божественному. В общем, позиция неоплатоников аналогична здесь христиан-

Split by PDF Splitter

скому воззрению, согласно которому человеку, осквернённому первородным грехом, требуется посредничество воплотившегося Логоса и нужны чувственные знаки, Святые дары, чтобы вступить в общение с Богом»[17].

Относительно последнего высказывания у нас есть определенные возражения. Осквернённость первородным грехом есть результат некоего исторического события, которое в христианстве принципиально отделено от самого акта творения и является нарушением заданного Творцом порядка вещей. Грехопадение – итог сознательного выбора первого человека. В неоплатонизме же, с его строгой иерархичностью и продолжающимся – вечным по сути своей – актом творения, душе, по определению, будут присущи некие качества до тех пор, пока она находится на каком-то из уровней бытия, и не только качества эти будут соответствовать данному уровню, но и сам уровень будет определять качества. Изменение же качеств души влечет за собой ее движение вверх или вниз. Именно поэтому понятие «искупление» (подчеркнем, что имеем в виду современное понимание этого слова, возникшее в контексте культуры, одним из столпов которой является христианская религия) не может быть применимо, когда речь идет о неоплатонизме.

Итак, как мы видим, в обращении Прокла к теургии нет ничего удивительного. Это было продиктовано как самим духом неоплатонизма, так и настроениями эпохи поздней античности.

Выдающийся исследователь Артур Х. Армстронг так описывает теургию неоплатоников, и в частности Прокла: «В системе Прокла ни одна духовная сущность не может вступать в контакт с другой более высокой сущностью, кроме находящейся непосредственно над ней в иерархии <…> место мистицизма занимает теургия, набор магических практик, основанных на том учении о всеобщей симпатии, в которое верил Плотин, но которое не имело ничего общего с его религией. <…> Практика теургии подразумевала для поздних неоплатоников довольно важный философский смысл, а именно, что действия высшего начала распространялись гораздо дальше по шкале бытия, нежели действия низшего принципа, и, следовательно, что нечто очень низкое может участвовать в чем-то очень высоком с меньшим количеством промежуточных терминов, нежели это было необходимо более высокому участвующему принципу. Таким образом, для Прокла материя (и, следовательно, материальные объекты, используемые теургами) соучаствует в Едином через меньшее количество промежуточных терминов, нежели человеческая душа или даже разум, а самый короткий путь к божественному, следовательно, пролегает через теургию, а не через философское рассуждение»[18]. Но мы бы не стали противопоставлять друг другу философское рассуждение и теургию. Хотя бы просто в силу внутренней цельности мировоззрения Прокла, эти два элемента могли и должны были естественно и необходимо дополнять друг друга. Ведь чтобы стать теургом, нужно понять, как связаны между собой части сущего, уяснить себе логику

Split by PDF Splitter

иерархии бытия, а этого достичь может лишь философ. Об этом пишет и А. В. Петров в своей книге «Феномен теургии». Первую общую характеристику теургии Прокла автор дает еще во введении: «У Прокла теургия выходит далеко за рамки магии в обыденном смысле и становится универсальным принципом, суть которого состоит в том, что теург превращает худшее в лучшее в онтологическом смысле, то есть не плохого человека в хорошего или больного в здорового, а человека – в демона, растение – в животное и т. д.»[19] То есть мы видим здесь именно восхождение по уровням сущего, осуществляемое путем изменения внутренних качеств. И если философ лишь изучает свойства вещей и явлений в их данности, то теург идет дальше: познав свойства и причины, он изменяет их, но не ради власти как таковой, а с той же целью, с которой философ изучает вещи, – приблизиться к Единому. Говоря современным языком, теургия на этом пути может быть более эффективна, чем философия. Пожалуй, мы могли бы несколько перефразировать автора и сказать, что универсальный принцип абсолютной всепронизанности мира и сопряженности всего со всем (пусть и опосредованно) становится опорой теургии. Далее, «теургия у Прокла, хотя и связана с магией папирусов генетически, представляет собой вовсе не магическую практику, приспособленную для религиозных целей, но универсальный философский принцип, использующийся им в самых различных теориях: в учениях о создании космоса, о познании, о творении имен, о подражании и других»[20]. Данное высказывание подтверждает наше положение о том, что теургия и философское рассуждение у Прокла связаны между собой неразрывно.

Основой теургии Прокла А. В. Петров полагает «физико-теологическое учение о цепи»[21]. Он пишет: «…теург может быть определен как человек, превращающий низшие вещи в более высокие: безжизненные – в живые, бездушные – в одушевленные, лишенные ума – в мыслящие и, наконец, “частные” – в божественные. Такое определение… находится, на наш взгляд, как раз в основном русле деятельности Прокла по превращению платонической философии в универсальную систему, где один принцип отношения между вещами представлен, хотя и по-разному, на всех уровнях бытия»[22].

В теургической подготовке души безусловно важным является постижение учения Платона. В книге 3 «Платоновской теологии», в главе 1 читаем: «…теологическое учение Платона… благочестиво оберегает его неизреченное единство [т. е. божественного. – *Ю. Ч.*], обособленное от всего, неописуемое для любых познавательных способностей и внеположное всем сущим, и одновременно открывает пути для восхождения к нему»[23]. Отметим, что «познать» – означает собственно достичь некоего знания, а «поверить» уже предполагает сущностные изменения в самом субъекте. Опираясь на один лишь gnosij, можно бесконечно перебирать бесконечные же вещи и явления, приближаться к Единому, но так и не приблизиться, остаться посторонним и чуждым. Одного познания недостаточно. Необходима

Split by PDF Splitter

вера – исключительное свойство человеческой души, дающее ей опору в бытии: «…сама душа почитает разнообразие ума и блеск видов за ничто по сравнению с превосходством блага над всем»[24]. И Прокл пишет: «Стало быть, для всего сущего надежна лишь одна гавань, и таково в первую очередь то, что внушает ему доверие. Разумеется, именно по этой причине соприкосновение и единство с ним названо теологами верой»[25].

Вера является основой единства на всех уровнях: она объединяет богов между собой, она соединяет любовь и красоту друг с другом, она приобщает человека благу. Без веры нет целостности. Таким образом, вера есть сила, сплачивающая разные уровни сущего и связывающая их между собой. Пронизывая и объединяя все сущее, вера оказывается одновременно и горизонталью, и вертикалью бытия.

В решении рассмотренного нами вопроса проявляется цельность философской позиции Прокла. Ядро философии Прокла – единство. Не только как одно из ключевых понятий, но и как структурообразующий принцип. В этом есть известная парадоксальность: с одной стороны, очевидна четкая иерархичность, строгая система и в то же время, с другой стороны, налицо абсолютное единство выстроенной им картины мира. Система Прокла – это единый живой организм со своей сложной внутренней организацией. И в этой системе знание и вера сущностно едины. Меж ними нет конфликта, нет и необходимости оправдания знания перед верой. Вера Прокла соединяет в себе и открытость божественному, и стремление к нему.

Можно сказать, что вера, истина и любовь, по Проклу, есть путь к приобщению божественным свойствам (первым действующим причинам), а значит, и к постижению их через сопричастность, причем вера не только является основой познания, но и обеспечивает его целостность и полноту.

С новым пониманием веры и познания связано и новое представление о философии. Теург – не кто иной, как философ нового склада. Теург являет в себе античный принцип единства жизни и мысли (подобно Сократу и Плотину), но он не только исследует, наблюдает, изучает и анализирует – он *изменяет* мир. Даже если скептически отнестись ко всем теургическим церемониям в отношении вызывания богов и демонов (хотя сама попытка это сделать уже говорит об ином подходе к миру), воздействие теурга на самого себя, качественное изменение им своих собственных свойств означает, в сущности, другой путь познания сущего и сверхсущего и другое соотнесение себя с ними.

Таким образом, Прокл не только внутренне преображает строй философской мысли, но и изменяет самого философствующего субъекта, который отныне может быть вовлечен в таинственный и вечный процесс творения мира.

---

[1] *Платон.* Государство. 511 d–e // Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 294.
[2] Там же. 534 d. С. 318.

Split by PDF Splitter

[3] *Платон.* Тимей. 29 с // Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 433.
[4] Послание апостола Павла к Римлянам. 1.16–1.17.
[5] Послание апостола Павла к Евреям. 11.1–11.6.
[6] Первое Послание апостола Павла к Коринфянам. 13.1–13.2, 13.8–13.10, 13.13.
[7] *Тертуллиан*. Избранные сочинения. М., 1994. С. 66.
[8] *Прокл.* Платоновская теология. СПб., 2001. С. 84.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 85.
[12] Там же. С. 83.
[13] Там же. С. 86.
[14] Там же. С. 252.
[15] *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С.185.
[16] *Лосев А. Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М., 1989. С. 129.
[17] *Адо П.* Указ. соч. С. 186–187.
[18] *Армстронг Артур Х.* Истоки христианского богословия: Введение в античную философию. СПб., 2003. С. 221–222.
[19] *Петров А. В.* Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб., 2003. С. 7.
[20] Там же. С. 81.
[21] Там же. С. 166.
[22] Там же. С. 82.
[23] *Прокл*. Указ. соч. С. 85.
[24] Там же.
[25] Там же.

В. И. Кудрявцева

КИНИЗМ КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ЯВЛЕНИЕ. НЕОКИНИЗМ Ф. НИЦШЕ

Принято считать, что философия Нового времени есть философия буржуазная. Можно утверждать, что эмпиризм и рационализм западной философии Нового времени выражают именно то видение мира, которым отличается буржуа-предприниматель. Эмпиризм превыше всего ставит опыт, который накапливался в ходе практической деятельности. Эмпирик считает своим идеалом точные науки, основанные на изобилии фактического материала. В развитии таких наук эмпирик видит способ преобразования природы, подчиняя ее человеку, а далее – и перспективу решения важнейших социальных вопросов. Говоря проще, эмпирик надеется, что с помощью точных наук можно будет создать мощную промышленность, которая сможет обеспечить жизненными благами все человечество. Изобилие продуктов питания, полученных с помощью химии, изобилие предметов быта и

© Кудрявцева В. И., 2007